

УДК 94(47)''12'':75.046:27-526.62(045)

*М.Н. Самонова***К ВОПРОСУ О ПАТРОНАЛЬНЫХ СВЯТЫХ ЯРОСЛАВА ВСЕВОЛОДОВИЧА И ЕГО СЫНА ФЕДОРА: АНАЛИЗ ИЗОБРАЖЕНИЙ СВ. ФЕОДОРА¹**

Среди святых воинов во всем христианском мире известны два Феодора – Тирон и Стратилат. Однако в домонгольской Руси в большинстве случаев упоминание или изображение св. Феодора не конкретизировало его личность, поэтому определить, кто из них подразумевался – Тирон или Стратилат – бывает затруднительно. Это касается и княжеских патрональных святых, т. е. того св. Феодора, в честь которого был крещен тот или иной князь, в частности, Ярослав Всеволодович (1190–1246) и его сын Федор Ярославич (1220? – 1233). В статье данный вопрос решается на основе анализа значения изображений святых и иконографии св. Феодора на шлеме Ярослава Всеволодовича и актовых печатях, атрибутируемых А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенским Федору Ярославичу. Аргументировано предположение о первоначальной принадлежности шлема Ярославу Всеволодовичу. Сделан вывод о том, что на шлеме изображен св. Феодор Стратилат, что следует расценивать как еще одно свидетельство того, что именно он считался святым патроном Ярослава Всеволодовича.

Ключевые слова: Древняя Русь, патрональные святые, Ярослав Всеволодович, Федор Ярославич, св. Феодор Тирон, св. Феодор Стратилат, шлем Ярослава Всеволодовича.

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-3-553-567

В соответствии с принципами имянаречения у Рюриковичей, начиная с Владимира Святославича, каждый представитель династии, наряду с родовым именем (напр., Владимир, Ярослав, Святополк, Всеволод и т. д.), языческим по происхождению, обладал христианским, крестильным именем (напр., Василий, Георгий, Константин, Федор и т. д.). Двуменность подразумевала обретение двойного патронажа, который заключался в покровительстве со стороны умершего родича и со стороны христианского святого. Однако с середины XI в. начался процесс утверждения христианских имен в качестве родовых. Так, крестильные имена князей-мучеников братьев Бориса и Глеба, а именно Роман и Давид, стали единственными именами, упомянутыми у внуков Ярослава Владимировича – Романа и Давыда Святославичей, Давыда Игоревича и у представителей полоцкой княжеской династии – Давыда и Романа Всеславичей. Актуальность исследования данной проблематики обусловлена тем, что патрональные святые и их изображения, как и любые другие, связанные с князьями и другими носителями власти, играли важную роль в политической коммуникации в Древней Руси, поскольку отражали династическую стратегию и политические идеи различных ветвей Рюриковичей в тот или иной период.

Ярослав Всеволодович, сын Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, получил в крещении имя Федор, о чем известно из летописей [21, стб. 408–409; 22, стб. 674; 23, с. 101]. Его родовое имя – Ярослав, скорее всего, актуализировало связь с могущественным предком – князем киевским Ярославом Владимировичем, но дано было в честь дяди, одного из братьев Всеволода Большое Гнездо [14, с. 153]. Патрональным святым князя, по всей вероятности, был св. Феодор Стратилат (рис. 1), поскольку в Лаврентьевской летописи под 6698 г. (1190 г.) сказано, что Ярослав родился в феврале в день памяти пророка Захарии, который, как известно, отмечается 8 февраля². На этот же день приходилась память св. Феодора Стратилата, но он в связи с появлением на свет Ярослава не упоминается. Возможно, это обусловлено тем, что в некоторых месяцесловах, в частности, в месяцеслове Мстиславова Евангелия, днем св. Феодора Стратилата является 7 февраля [14, с. 152, 624, прим. 761]. Похоже, что в Лаврентьевской летописи память св. Феодора Стратилата была связана именно с 7 февраля. Так, в летописном сообщении о взятии Владимира монголами в 1238 г. указано, что это произошло в феврале в мясопустное воскресенье в день памяти мученика Феодора Стратилата, что соответствует 7 февраля 1238 г. [21, стб. 462; 5, с. 90]. Однако 17 февраля отмечается память и другого хорошо известного на Руси святого воина по имени Феодор – Тирона (рис. 2). Поэтому нельзя исключать, что Ярослав мог быть крещен в его честь.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта БРФФИ «Политическая коммуникация на территории Восточной Европы (конец X–XIII в.)», договор № Г23ИП-005.

² В соответствии с вычислениями Н. Г. Бережкова, сообщение о рождении у Всеволода 8 февраля сына, окрещенного Федором, относится к концу 6697 мартовского года, т. е. к 1190 г. [5, с. 84].

Рис. 1. Св. Феодор Стратилат. Фрагмент фрески. 1170–1180-е гг.
Церковь Свв. Врачей, Кастория, Греция

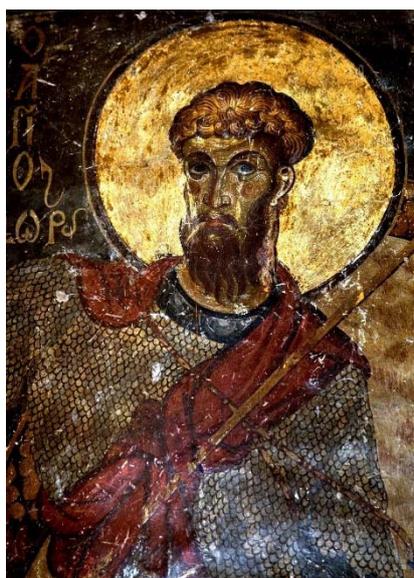

Рис. 2. Св. Феодор Тирон. Фрагмент фрески. 1170–1180-е гг.
Церковь Свв. Врачей, Кастория, Греция

Ярослав Всеволодович (1190–1246), князь переяславский (1200–1206 гг.), рязанский (1208 г.), князь переяславль-залесский (1212–1238 гг.), новгородский (1215–1216 гг., 1223–1224 гг., 1226–1229 гг., 1230–1236 гг.), киевский (1236–1238 гг., 1243–1246 гг.), владимирский (1238–1246 гг.), несомненно, был незаурядной личностью и показал себя как талантливый политик и смелый полководец в сложнейший период междоусобных войн, борьбы с крестоносцами и литовцами, монгольского нашествия. Он оставил яркий след в истории Древней Руси независимо от того, кем стал его сын Александр Ярославич Невский. Неординарность Ярослава Всеволодовича проявилась во многих аспектах, в том числе и в выборе модели имянаречения сыновей. Он стал одним из первых Рюриковичей, кто не побоялся нарушить древний запрет на наречение сына своим родовым именем: одного из сыновей он назвал Ярославом. Данный запрет уходил корнями в языческую эпоху и был связан с традициями родового общества, но ко времени Ярослава Всеволодовича у владими́ро-суздальских князей уже доминировали христианские имена. Это послужило основанием для перенесения христианской модели, позволявшей давать сыну крестильное имя живого отца, на исконный, языческий по своему происхождению, именослов. Вероятно, по аналогии со

старшим сыном, Федором Федоровичем, Ярослав дал имя одному из младших сыновей, который стал именоваться Ярославом Ярославичем. В этой аналогии и проявилось то, как христианская модель именнаречения возобладала над древним родовым запретом [14, с. 315–316]. Свидетельством приверженности Ярослава Всеволодовича христианской традиции является тот факт, что семь из его восьми сыновей были названы христианскими именами – Федор, Александр, Андрей, Даниил, Константин, Михаил, Василий, совмещавшими в себе функции родового и крестильного.

Интересным фактом также является то, что именно старшего сына Ярослав назвал своим крестильным именем – Федор. По мнению А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского, это было сделано для демонстрации прямой преемственности княжеской власти – от отца к старшему сыну – и отразило стремление Ярослава Всеволодовича к закреплению вертикальных связей в своей семье [14, с. 315]. Рождение Федора Ярославича в Лаврентьевской летописи отмечено под 6727 г. (1219 г.) [21, стб. 444]. Если верить Воскресенской летописи, то родился он зимой этого года [23, с. 126]. В. А. Кучкин, опираясь на вычисления Н. Г. Бережкова, посчитал этот год мартовским и предположил, что Федор родился в феврале 1220 г., поскольку именно в этом месяце отмечалась память обоих наиболее почитаемых на Руси Феодоров – Стратилата и Тирона [13, с. 19]. Следует заметить, что предположение В. А. Кучкина совершенно логичное и весьма вероятное, однако в летописях нет сведений о месяце появления на свет Федора Ярославича, как и нет данных о том, что все княжичи получали свои имена строго в соответствии с месяцесловом, поэтому невозможно даже однозначно определить год его рождения. Это мог быть и 1219 г., если Федор родился с марта по декабрь 6727 мартовского года. В 1228 г. отец оставил его вместе с братом Александром на новгородском княжении, но во время волнений в Новгороде из-за голода в 1229 г. их увезли оттуда [21, стб. 510–511; 18, с. 66–67, 272–273]. В 1230 г. Ярослав Всеволодович снова посадил Федора и Александра в Новгороде [18, с. 70, 278]. В 1232 г. он участвовал в походе своего двоюродного брата Всеволода Юрьевича на мордву [21, стб. 459]. Но в 1233 г. Федор Ярославич внезапно умер в Новгороде во время приготовлений к свадьбе [18, с. 72, 282].

Как и в случае с патрональным святым Ярослава Всеволодовича, из летописных источников неизвестно, какой именно из св. Феодоров – Тирон или Стратилат – являлся небесным заступником его старшего сына Федора. Хотя существует точка зрения, что в домонгольской Руси князь, получивший в крещении имя Федор или имя Андрей, находился под покровительством всех святых Феодоров или всех святых Андреев, однако к началу XIII в. тенденция к расподоблению небесных тезок князей, в частности, святых воинов Феодора Тирона и Феодора Стратилата, становится все более заметной [14, с. 216, 404–409]. В этой связи имеет смысл обратиться к анализу визуальных источников – сохранившихся материальных артефактов с изображениями св. Феодора, а именно к знаменитому шлему, который атрибутируется Ярославу Всеволодовичу, и актовым печатям, которые могли принадлежать его сыну Федору, находившемуся на княжении в Новгороде в 1228–1229 гг. и 1230–1233 гг.

Шлем вместе с кольчугой был обнаружен в 1808 г. у села Лыкова недалеко от Юрьева-Польского. Президент Императорской Академии Художеств А. Н. Оленин установил вероятную принадлежность шлема Ярославу Всеволодовичу, бежавшему с поля Липицкой битвы 1216 г. в Переяславль-Залесский [33, с. 388]. Это сражение подробно описано в нескольких летописях. Сообщается, что братья Ярослав и Юрий Всеволодовичи потерпели сокрушительное поражение («всех избитых 9000 и 230 и 3 мужа») и спешно бежали с поля боя: Юрий загнал трех коней и явился во Владимир на четвертом в одной сорочке, а Ярослав добрался до Переяславля на пятом коне, сгубив четырех [19, с. 24–25]. В 1899 г. в «Записках Императорского Русского Археологического Общества» А. А. Спицын³ заметил, что шлем был оставлен на пути во Владимир, куда бежал Юрий Всеволодович, и что именно он, по сообщению летописи, во время бегства сбросил с себя всю верхнюю одежду. В этой связи ученый высказал следующие предположения: 1) шлем был найден в другой местности, а затем скрыт в Лыкове; 2) Ярослав и Юрий поменялись шлемами перед началом сражения; 3) шлем принадлежал другому лицу и, возможно, другому времени [33, с. 388–389].

В советское время В. Л. Янин аргументировал гипотезу о том, что первым владельцем шлема был Мстислав Юрьевич, один из младших сыновей Юрия Долгорукого [35, с. 99–101; 37; 39]. Б. А. Рыбаков подверг критике гипотезу В. Л. Янина и выдвинул предположение, что шлем был потерян во время первой Липицкой битвы, состоявшейся в 1176 г.⁴, и принадлежал Мстиславу Ростисла-

³ Авторство заметки о шлеме указано на основании списка ученых трудов А. А. Спицына [См.: 30, с. 15].

⁴ Год битвы указан на основе вычислений Н. Г. Бережкова [5, с. 79–80].

вичу Безокому [25, с. 35]. Но версию Б. А. Рыбакова опровергает тот факт, что внутри шлема находилась кольчуга, сплетенная из плоских колец, которые появились около 1200 г. [О датировке кольчуги см.: 12, с. 14]. Относительно недавно А. А. Астайкин установил место Липицкой битвы 1216 г. и определил, что село Лыково расположено от него в 15–16 км по дороге во Владимир. Он предположил, что накануне битвы парадный шлем Ярослава Всеволодовича⁵ перешел к старшему брату Юрию, который во время бегства, в том месте, где у него пала первая лошадь, приказал спрятать его и кольчугу [2, с. 173, прим. 93; 3; 4, с. 246–247, 249, прим. 32].

Липицкий шлем относится к выдающимся памятникам оружейного и ювелирного дела. Его корпус покрыт серебряным листом и декорирован позолоченными серебряными чеканными накладными пластинами и орнаментальной каймой [12, с. 30]. Диаметр шлема – 19,5 см, что соответствует размеру взрослого мужчины⁶. На налобной пластине изображен архангел Михаил в полный рост, а по ее краю нанесена благожелательная надпись: «Великий архистратиге Гн Михаиле помози рабу своему Феодору». Место находки шлема и надпись на нем послужили основанием для первоначальной атрибуции шлема Ярославу, в крещении Федору, Всеволодовичу. Центральное положение образа архангела Михаила на шлеме имеет прямое отношение к христианской воинской культуре Византии, Древней Руси, Западной Европы. Архангела Михаила называли архистратигом, т. е. главнокомандующим. Именно он выступает предводителем небесного воинства, покровителем правящего государя, военачальников, воинов и защитником всех христиан. В Древней Руси культ архистратига Михаила имел ярко выраженный княжеско-воинский аспект. Ему молились в благодарность за обретение князя, напр., жители Переяславля-Русского после того, как Всеволод Юрьевич оставил там княжить сына Ярослава [21, стб. 416].

Кроме того, на вершину шлема прикреплена пластина в форме четырех лепестков с поясными изображениями Христа Вседержителя в центре, по правую руку от которого размещен св. Феодор с мечом (рис. 3), по левую – св. Георгий с копьем, а позади – св. Василий с Евангелием. Б. А. Рыбаков отметил, что орнаментика с сердцевидным построением клейм, растительным узором и грифонами на кайме шлема близка к стилю рельефов Георгиевского собора в Юрьеве-Польском [24, с. 520–522]. Это может указывать на то, что декоративные элементы шлема – чеканные пластины и кайма – были изготовлены во Владимиро-Суздальской земле.

Рис. 3. Св. Феодор. Фрагмент чеканной пластины. Шлем Ярослава Всеволодовича. Конец XII – начало XIII вв. Музеи Московского Кремля

⁵ Автор выражает благодарность Андрею Анатольевичу Астайкину за ценные уточнения, касающиеся шлема.

⁶ Краткое описание шлема и его изображения представлены на сайте «Музеи Московского Кремля» [См.: 34].

В. Л. Янин подверг сомнению первоначальную принадлежность шлема Ярославу Всеволодовичу, основываясь на невозможности найти объяснение помещенному на шлем изображению св. Василия. Дело в том, что в историографии отмечалось то, что вся композиция шлема является лично-патрональным изображением его владельца. Однако ученый считал, что Василия среди ближайших родичей Ярослава Всеволодовича не имеется. Поэтому В. Л. Янин обосновал предположение, что шлем изначально принадлежал другому князю, и посчитал, что им был дядя Ярослава Всеволодовича – Мстислав Юрьевич, который в крещении мог носить имя Феодор, судя по найденным в Новгороде печатям с изображениями св. Георгия и св. Феодора [37, с. 244; 39, с. 57–59]. Необходимо отметить, что атрибуция данной разновидности печатей также является предположительной, поскольку в письменных источниках крестильное имя Мстислава Юрьевича не указано.

Тем не менее, на мой взгляд, возможность того, что первоначальным владельцем шлема в его конечном виде, т. е. тем Федором, для кого были изготовлены две серебряные пластины со святыми образами и надписью, а также серебряная орнаментальная кайма, являлся Ярослав Всеволодович, весьма вероятна.

Во-первых, этот шлем был частью боевого княжеского снаряжения в одной из самых масштабных и кровопролитных битв в домонгольской Руси, коль скоро он был спрятан вместе с кольчугой недалеко от места сражения. Если бы шлем был изготовлен для Мстислава Юрьевича, княжившего в Новгороде с 1155 г. по 1157 г. и в 1161 г. вынужденного отправиться в Византию, то к моменту Липицкой битвы 1216 г. этот шлем уже считался бы фамильной реликвией и, вероятнее всего, выполнял бы функцию церемониального княжеского снаряжения. Трудно представить, чтобы шлем, якобы передававшийся из поколения в поколение в роду владимири-суздальских Юрьевичей, был использован в реальном бою, а затем зарыт и, главное, забыт где-то «в кустах»⁷. Кроме того, шпилевидное навершие шлема было грубо приделано прямо на пластину с изображениями Христа Вседержителя и трех святых, что заставляет усомниться в том, что к шлему относились как к родовой реликвии. Осмелюсь предположить, что шпилевидную верхушку приколотили к шлему на скорую руку по распоряжению Ярослава Всеволодовича во время поспешной подготовки переяславцев к решающему сражению с коалицией Мстислава Удатного и Константина Всеволодовича. Почему же шлем оказался спрятанным по пути во Владимир, а не в Переяславль? Возможно, слуга Ярослава получил приказ запутать преследователей князя и с этой целью надел его шлем и бежал в противоположном направлении, т. е. в сторону Владимира.

Во-вторых, представленные на своде купола шлема изображения Христа Вседержителя и трех святых имеют прямое отношение к Ярославу Всеволодовичу. В его княжение возник новый тип актовых печатей (№ 368, 369, 370, 371), несущий обозначение патронального имени владельца на лицевой стороне, а на оборотной стороне – изображение Христа Вседержителя вместо традиционного для княжеских печатей XII – начала XIII вв. обозначения патронального отчества [36, с. 20]. На указанных печатях, атрибутируемых Ярославу Всеволодовичу, изображены св. Феодор и Христос Вседержитель. Св. Феодор – это небесный заступник Федора, владельца шлема, о чем свидетельствует надпись на налобной пластине. Св. Георгий, с одной стороны, это покровитель его родного брата и главного союзника – Юрия Всеволодовича, по воле отца, ставшего его преемником на владимирском столе. А с другой – патрональный святой Юрия Владимировича Долгорукого, деда Ярослава, родоначальника владимири-суздальской княжеской династии Юрьевичей. Св. Василий – это небесный заступник прадеда Ярослава – Владимира Всеволодовича Мономаха. Однако, как справедливо отметил В. Л. Янин, на шлеме отсутствует св. Димитрий – патрональный святой Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, отца Ярослава, что, конечно, кажется совершенно нелогичным [39, с. 58]. Попытаюсь аргументировать это отсутствие следующими соображениями.

Сразу следует заметить, что на оборотной стороне печатей № 368, 369, 370, 371, владельцем которых В. Л. Янин определил Ярослава Всеволодовича, как и на шлеме, вместо традиционного изображения патронального отчества, т. е. св. Димитрия, представлен образ Христа Вседержителя. Этот образ, вполне очевидно, символизирует идею богоданности княжеской власти, но не только. А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский выдвинули оригинальное предположение о том, что на печатях Ярослава Всеволодовича образ Христа Вседержителя воплощал исконное родовое имя отца Ярослава – Всеволод. Ведь эпитет Вседержитель эффектно передает славянское династическое имя Всеволод [15, с. 163–166]. Кроме

⁷ В рапорте Владимирского губернского прокурора барона Бута от 4 сентября 1808 г. сообщается, что шлем, внутри которого находилась кольчуга, был вырыт из кочки близ орехового куста крестьянками из Лыкова Анисей Ларионовой и Настасьей Васильевой [33, с. 389].

того, Всеволод Большое Гнездо был первым из русских князей, к кому стал последовательно применяться титул «великий князь», что отражало не столько претензии на общерусскую гегемонию, сколько статус верховного правителя Владимиро-Суздальской земли, т. е. только Северо-Восточной Руси [8, с. 30–31; 9, с. 151]. Этот титул закрепился и за его преемниками на владимирском столе – сыновьями Константином, Юрием и Ярославом. Представленный на печатях образ Христа Вседержителя стал также символом верховной власти Всеволода и ее преемственности от отца к сыну. А значит, и на шлеме Христос Вседержитель мог служить олицетворением осмысленного на языке христианской иконографии родового патронима Ярослава – Всеволодович и являлся яркой репрезентацией великокняжеского титула Всеволода.

Необходимость демонстрации связи Ярослава Всеволодовича с прадедом Владимиром-Василием Мономахом обусловлена периодически проявлявшимся соперничеством между представителями трех княжеских династий рода Мономашичей – волыньских Изяславичей, смоленских Ростиславичей, относящихся к ветви Мстиславичей, и владимиро-суздальских Юрьевичей. Мстиславичи – Изяслав и Ростислав – воевали с Юрием Долгоруким в 1146–1154 гг. Ростиславичи на стороне Андрея Юрьевича Боголюбского участвовали в изгнании Мстислава Изяславича из Киева в 1169 г. и его сына Романа Мстиславича из Новгорода в 1170 г. Младшие Ростиславичи – Рюрик, Давыд, Мстислав – противостояли Андрею Боголюбскому в 1173 г. Мстислав Мстиславич Удатный вступил в конфликт с Всеволодом Большое Гнездо и отобрал у него Новгород в 1209 г., а после смерти Всеволода в 1212 г. Ростиславичи вернули себе Киев, который ранее при поддержке Всеволода перешел под власть Ольговичей.

Отец Ярослава – Всеволод Большое Гнездо – был признан большинством князей старейшим представителем Мономашичей («старейшим в Володимере племени») [22, стб. 683, 685–686]. Во время конфликта Всеволода с Мстиславом Удатным, лидером Ростиславичей, за контроль над Новгородом в 1209 г. владимирский князь называл себя «отцом» Мстислава [18, с. 51, 249]. Вероятно, что сыновья Всеволода также хотели подчеркнуть свое старейшинство в роду Владимира Мономаха, поэтому демонстрация на шлеме св. Василия, патронального святого Владимира, была одной из форм политической коммуникации и отражала династические и политические амбиции владимиро-суздальских Юрьевичей, претендовавших на главенство среди русских князей. Родовое превосходство Юрьевичей среди потомков Владимира Мономаха основывалось на принципе старейшинства – после смерти Рюрика Ростиславича в 1212 г. сыновья Всеволода Большое Гнездо остались единственными правнуками Мономаха [9, с. 150–152]. О том, что Юрий и Ярослав пытались претендовать на общерусское верховенство, свидетельствует их отказ заключить мир, предложенный Мстиславом Удатным и его союзниками перед сражением на Липице, а также их планы раздела всей Русской земли в случае успешного исхода битвы [19, с. 22–23; 31, с. 87].

Таким образом, символическое значение изображений свв. Феодора, Георгия и Василия на шлеме было связано с демонстрацией превосходства Ярослава и Юрия Всеволодовичей как старейших Мономашичей над Ростиславичами и их лидером Мстиславом Мстиславичем Удатным. Союз Ярослава с его старшим братом Юрием был заключен в 1212 г. после смерти их отца, который выбрал в качестве своего преемника Юрия и завещал ему владимирский стол [11, с. 159]. В результате такого выбора обделенным себя почувствовал Константин, старший сын Всеволода Большое Гнездо, что стало причиной междоусобной войны 1212–1216 гг. [О войне между Всеволодовичами см.: 31, с. 83–88]. По мнению И. Я. Фроянова, в эту междоусобицу вмешались новгородцы во главе с князем Мстиславом Мстиславичем с целью подрыва могущества великого князя владимирского и именно благодаря их ратному труду была добыта победа в Липицкой битве, которую ученый определил как переломную веху в новгородской истории, поскольку она позволила остановить более чем полувековой натиск князей Владимиро-Суздальской земли на Новгород [32, с. 98].

Ярослав и Юрий Всеволодовичи оставались верными союзниками друг другу и действовали сообща. Так, когда накануне сражения на Липице Мстислав Удатный предпринял попытку отдельно договориться с Юрием в обход брата, тот отказался, ответив: «одинъ есмь братъ съ Ярославомъ» [19, с. 22]. Кажется логичным предположить, что серебряная накладка на шлем с образами Христа Вседержителя и свв. Феодора, Георгия и Василия могла быть изготовлена в 1212 г. или немного позже для символического скрепления братского союза Ярослава с Юрием.

Все образы святых на верхней пластине шлема сопровождаются идентифицирующими надписями. Однако отсутствует уточнение, какой именно из святых воинов Феодоров представлен на шлеме – Тирон

или Стратилат, что, впрочем, является характерным для изображений св. Феодора на Руси в домонгольское время. Следует отметить, что хотя в подавляющем большинстве случаев образ св. Феодора в этот период не имел конкретизирующего обозначения «Тирон» или «Стратилат», но этих святых воинов, несомненно, на Руси различали. Так, в месяцеслове Мстиславова Евангелия, заказчиком которого являлся князь Мстислав Владимирович, окрещенный Федором, упоминаются каждый под своим днем оба святых воина Феодора: Стратилат – 7 февраля⁸ и 8 июня, Тирон – 17 февраля [14, с. 404]. В 1115 г., когда в Новгороде княжил Мстислав Владимирович, неким Воигостом там была заложена церковь св. Феодора Тирона: «Въ лѣто 6623... заложи Воигость церковь святого Федора Тирона, априля въ 28» [18, с. 20, 204]. Обозначение «Тирон» зафиксировано на заготовке иконки, обнаруженной в Новгороде в слое XI в. [1, с. 199]. Кроме того, в древнерусской сфрагистике зарегистрировано 5 вариантов печатей с Феодором Тироном, среди которых имеется 1 вариант с Феодором Стратилатом на оборотной стороне [35, с. 112–113; 40, с. 236]. О печати с образами св. Феодора Тирона и св. Феодора Стратилата речь пойдет ниже, поскольку она, вероятно, имеет отношение к Федору и его отцу Ярославу Всеволодовичу.

Сначала рассмотрим и сравним образы двух святых воинов, а именно Феодора и Георгия, украшающих свод купола шлема, поскольку это поможет более уверенно идентифицировать св. Феодора. В изобразительном материале довольно хорошо прослеживаются иконографические типы ликов Феодора Стратилата и Феодора Тирона: они отличаются друг от друга формой прически и формой бороды⁹, ср.: (рис. 1, 2). После появления св. Феодора Стратилата, св. Феодор Тирон стал изображаться, как правило, с прической как у св. Димитрия, с короткими и густыми волосами, зачесанными за уши или подстриженными над ними. Однако св. Димитрий безбородый (иногда – с небольшими усами и короткой бородкой¹⁰ (рис. 4)), а у св. Феодора Тирона имеется густая борода, которая либо закруглена, либо собрана в несколько прядей. Св. Феодор Стратилат обычно по форме прически схож со св. Георгием (рис. 5): у них густые курчавые волосы, закрывающие уши; но св. Георгий, как и св. Димитрий, безбородый. Что же касается бороды у св. Феодора Стратилата, то она может быть чуть более короткой, чем у св. Феодора Тирона, и очень часто завершается двумя остроконечными прядями [17, с. 621].

Рис. 4. «Св. Димитрий Солунский на троне». Икона. Конец XII – начало XIII вв.
Церковь св. Димитрия Солунского (нижний храм Успенского собора), Дмитров, Россия.
Государственная Третьяковская галерея

⁸ В других месяцесловах память св. Феодора Стратилата приходится на 8 февраля [14, с. 624, прим. 761].

⁹ Иконография св. Феодора Тирона и св. Феодора Стратилата рассмотрена автором в отдельной публикации [См.: 27].

¹⁰ Таким св. Димитрий изображен на древнерусской иконе «Св. Димитрий Солунский на троне» конца XII – начала XIII вв. из Дмитрова, исполненной по заказу Всеволода Большое Гнездо, чьим небесным покровителем был этот святой воин [Об иконографии св. Димитрия см.: 26, с. 58, 62–63, 66].

Рис. 5. Св. Георгий. Икона. Вторая четверть XII в. Юрьев монастырь, Великий Новгород, Россия. Государственная Третьяковская галерея

Итак, что мы видим на шлеме Ярослава Всеволодовича: у св. Феодора и св. Георгия почти одинаковые прически в форме своеобразной шапки из курчавых волос, полностью закрывающих уши, а борода у св. Феодора четко разделена на две заостряющиеся пряди. Совершенно очевидно, что св. Феодор, представленный на шлеме, это «классический» иконографический тип изображения Стратилата (рис. 3).

О том, что во Владимиро-Суздальской земле в период княжения Ярослава Всеволодовича в Переяславле-Залесском (1212–1238 гг.) и его старшего брата Юрия Всеволодовича во Владимире (1218–1238 гг.) были известны иконографические типы обоих святых воинов Феодоров – Тирона и Стратилата, ярко свидетельствуют изображения этих святых на золотых воротах собора Рождества Богородицы в Суздале¹¹. В медальонах, представленных на валиках (нащельниках) врат собора имеется одно изображение св. Феодора на валике западных врат и два – на валике южных врат [20, с. 6, 25, 28]. Тот св. Феодор, что расположен на южных вратах выше, это, очевидно, Тирон: он изображен в образе воина с копьем в правой руке, но в обычном одеянии. У него клиновидная борода, а прическа оставляет уши открытыми. Интересно то, что его волосы прямые и гладкие, прилегающие к голове, что контрастирует с курчавыми и пышными волосами двух других свв. Феодоров – «нижнего» воина в доспехе с копьем и щитом с южных врат и того, что с западных врат, изображенного по типу мученика с крестом в правой руке и мечом в левой. На мой взгляд, однозначно идентифицировать св. Феодора с западных врат сложно, поскольку его образ сочетает в себе иконографические признаки как Стратилата, так и Тирона. Так, с одной стороны, у него прическа Тирона с открытыми ушами, но, с другой стороны, его борода на конце разделяется на две завивающиеся пряди, а раздвоенная борода более характерна для Стратилата.

Создание врат Суздальского собора относится к периоду между 1227–1238 гг. [16, с. 20]. Поскольку на южных вратах изображены два святых Феодора, совершенно отличные друг от друга по иконографии лица, то, несомненно, это два разных Феодора, то есть Тирон и Стратилат. Следует подчеркнуть, что это их первое парное изображение в древнерусском искусстве. Данный факт свидетельствует о том, что в то время в родовых владениях Юрьевичей различение св. Феодора Тирона и св. Феодора Стратилата имело большое значение, и это отразилось и во владими́ро-суздальском летописании. Так, в Лаврентьевской летописи под 1211 г. упоминается икона св. Феодора Тирона, чудесным

¹¹ Автор выражает благодарность Анне Михайловне Манукян, а также Дирекции Владимиро-Суздальского музея-заповедника за предоставленные для изучения фотоматериалы и ценные уточнения относительно изображений святых воинов на вратах собора.

образом уцелевшая во время пожара в Ростове [21, стб. 436]. В той же летописи упомянут день памяти св. Феодора Стратилата в связи со взятием монголами Владимира 7 февраля 1238 г. [21, стб. 462].

В историографии обосновывалось предположение о том, что изображения святых на валиках врат являются патрональными и раскрывают имена их заказчиков. Так, по мнению В. Л. Янина, парное изображение свв. Феодоров на валике южных врат относилось к старшему сыну Ярослава Всеволодовича – Федору: верхнюю позицию занимал патрон отца князя, а нижнюю – патрон самого князя [38, с. 93]. Поскольку изображение св. Феодора Тирона размещено выше изображения св. Феодора Стратилата, то патроном Ярослава Всеволодовича в данном случае должен выступать Тирон, а патроном его сына Федора – Стратилат. Однако, на мой взгляд, патрональный характер образов святых на валиках врат собора весьма гипотетичен, поскольку, как заметил сам В. Л. Янин, на них, кроме традиционных для Рюриковичей небесных заступников, таких как свв. Николай, Василий, Димитрий, Георгий, Феодор, представлены также свв. Нестор, Анания, Азария, Мисаил, которые совершенно не употреблялись как княжеские [38, с. 97]. В данном случае более надежными и достоверными источниками для определения патрональных святых князей будут предметы личного характера, т. е. шлем и печати.

Теперь перейдем к рассмотрению печати с изображениями св. Феодора Тирона на лицевой стороне и св. Феодора Стратилата на оборотной стороне. В своде печатей, подготовленном В. Л. Яниным, это печать № 203, представленная в единственном экземпляре; место ее находки неизвестно [35, с. 206–207]. Она является одной из 4-х разновидностей печатей с изображением двух святых Феодоров, к которым также относятся варианты № 204, 205, 206 (рис. 6). Но только на варианте № 203 святые воины обозначены точно [35, с. 112–113]. В. Л. Янин атрибутировал данные разновидности печатей Мстиславу Мстиславичу Удатному, руководствуясь предположением о том, что если Мстислав получил родовое имя своего отца, то должны были совпасть и их крестильные имена [35, с. 114]. Однако нет никаких свидетельств источников о том, какие крестильные имена были у Мстислава Удатного и его отца Мстислава Ростиславича. В свою очередь, доподлинно известно, что старшего сына Ярослава – Федора Всеволодовича звали Федор, а значит, его христианское имя и отчество было Федор Федорович. На этом основании А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский посчитали естественным предположить, что как минимум какая-то часть из группы печатей № 203, 204, 205, 206 принадлежала Федору Ярославичу-Федоровичу, который в 1228 г. был посажен отцом вместе с братом Александром на княжение в Новгороде [14, с. 412–415]. Р. А. Соколов считает, что Ярослав Всеволодович использовал тактику самих новгородцев, связанную со «вскармливанием» князей (термин введен И. Я. Фрояновым), когда оставил малолетних Федора и Александра в Новгороде в качестве наместников, чтобы обеспечить закрепление Новгорода за своими сыновьями [29]. И, судя по всему, эта тактика сработала – Федор и Александр успели стать для новгородцев «своими». Новгородский летописец в сообщении о внезапной смерти юного князя Федора, случившейся в Новгороде в 1233 г., точно указал ее день и час. Федор был захоронен в Юрьевом монастыре, а в память о нем в Новгороде была заложена церковь св. Феодора [18, с. 72, 282]. Важно то, что летописец назвал Федора князем, и это свидетельствует о том, что к моменту смерти Федор успел обрести самостоятельность, а значит, у него имелась собственная княжеская печать.

Рис. 6. Прорисы печатей № 203, 204, 205, 206 из свода В. Л. Янина и П. Г. Гайдукова [35, с. 266, табл. 18]

В. Л. Янин определил, что на лицевой стороне печати № 203 представлено конное изображение св. Феодора Тирона на основании едва различимых букв, в которых он увидел надпись «Т(и)ро(н)» [35, с. 113, 206; 14, с. 413]. Святой воин показан на коне с флажком на копье и крестом над плечом. На оборотной стороне печати, несомненно, св. Феодор поименован как Стратилат. Он изображен в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. На лицевой стороне печати представлен ее эмитент – в данном случае святой патрон князя, а на оборотной стороне, начиная с XII в., обозначалось отчество, т. е. святой покровитель отца князя. Судя по данной печати, Стратилат – это патрональный святой Ярослава Всеволодовича, а Тирон – его сына Федора. Но на печатях № 204, 205, 206 надписи зафиксировали только имя святого воина – Феодор, поэтому, основываясь лишь на единственном экземпляре печати № 203, нельзя с полной уверенностью делать какие-либо утверждения.

Тем не менее, атрибуция какой-то части из группы печатей № 203, 204, 205, 206 Федору Ярославичу, на мой взгляд, является закономерной. У этой группы есть один отличительный признак – это конное изображение св. воина, которое ранее в древнерусской сфрагистике не встречалось, но стало характерным для владими́ро-суздальских Юрьевичей, начиная с Всеволода Юрьевича (печать № 212). Это было очевидным и для В. Л. Янина, но не помешало ему атрибутировать все варианты печатей с конным изображением св. Феодора Мстиславу Мстиславичу Удатному, хотя на печатях других Ростиславичей конные фигуры не представлены [35, с. 113]. Следует заметить, что в историографии существуют разные атрибуции печати № 212, но все они относятся к владими́ро-суздальским князьям. Эта печать принадлежала либо Всеволоду Дмитриевичу Большое Гнездо (М. В. Седова [28, с. 275]), либо его сыну Юрию Всеволодовичу (И. А. Жуков [10, с. 66–67]) или же его внуку Всеволоду Юрьевичу (В. Л. Янин, П. Г. Гайдуков [35, с. 106, 208; 40, с. 47–48]). А в дальнейшем печати с изображениями всадников стали использовать Александр Ярославич Невский (печати № 374, 375, 376, 377, 378) и его сыновья: Дмитрий (печати № 384, 385, 386, 387, 388, 389) и Андрей (печати № 390, 391, 392, 393, 394, 395) [36, с. 7–8, 157–158, 160–161]. В этой связи вполне естественно предположить, что источником, вдохновившим резчиков матриц для первых древнерусских печатей с конными фигурами¹² (№ 203, 204, 205, 206, 212), стали изображения двенадцати святых конных воинов в рельефах Дмитриевского собора во Владимире¹³ (рис. 7), возведенного Всеволодом Большое Гнездо в 1190-е гг.

Рис. 7. Св. воин Феодор. Рельеф. Дмитриевский собор, Владимир, Россия 1190-е гг. [6, с. 141, илл. 63]

¹² Суздальский характер печатей, которые В. Л. Янин атрибутировал Мстиславу Мстиславичу, был отмечен Э. А. Гордиенко [См.: 7, с. 78–81].

¹³ Анализ образов святых конных воинов и их изображения представлены в комплексном исследовании М. С. Гладкой [См.: 6, с. 140–159].

Как уже было отмечено выше, Мстислав Удатный был представителем Ростиславичей, конкурировавшей с Юрьевичами ветви Мономашичей. Было бы довольно странным, если бы Александр Ярославич Невский позаимствовал конную композицию у Мстислава Мстиславича, с которым бился его отец в битве на Липице в 1216 г., а не у кого-то из своего рода, например у старшего брата Федора, скоропостижно скончавшегося в юношеском возрасте. По мнению А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского, Александр, когда занял место умершего старшего брата, решил унаследовать и его тип печати с конной фигурой как символ семейного старшинства. Эти ученые также проследили преемственность в печатях Александра Невского не только по отношению к умершему брату, но и к отцу [14, с. 410–418].

Итак, Ярослав Всеволодович вполне может рассматриваться как первоначальный и единственный владделец Липицкого шлема. Изображенные на налобной пластине архангел Михаил, на верхней пластине Христос Вседержитель и свв. Феодор, Георгий, Василий представляют собою единую композицию, выражающую идею не только личного, но и династического патронажа: архангел Михаил – общединастический покровитель всех князей Рюриковичей, а также покровитель воинов, Христос Вседержитель – это символ верховной власти Всеволодовичей как старейших Мономашичей и репрезентация великокняжеского титула, а также своеобразное христианское олицетворение имени Всеволод, т. е. патронима владельца шлема, св. Василий – святой покровитель Владимира Мономаха и всех князей его «племени», св. Феодор – личный патрональный святой владельца шлема, св. Георгий – личный патрональный святой Юрия Всеволодовича, старшего брата и ближайшего союзника Ярослава, а также его деда, Юрия Владимировича Долгорукого.

Иконографическое различие св. Феодора Тирона и св. Феодора Стратилата, отразившееся в образах святых воинов на вратах Суздальского собора, позволяет идентифицировать св. Феодора, изображенного на Липицком шлеме, как Стратилата, что, в свою очередь, может рассматриваться как аргумент в пользу того, что именно он и являлся патрональным святым Ярослава Всеволодовича. Что касается его сына Федора, то следует признать вероятной принадлежность ему одной или двух разновидностей печатей из группы № 203, 204, 205, 206 и на том основании, что очень близкой по иконографии аналогией конным фигурам св. Феодора на указанных печатях являются изображения святых всадников в рельефах Дмитриевского собора во Владимире. Однако одного экземпляра печати № 203 с предполагаемой надписью «Тирон» недостаточно, чтобы можно было с уверенностью утверждать, что на печатях № 204, 205, 206 конный св. Феодор – это Тирон, а пеший св. Феодор – это Стратилат, а значит, вопрос о том, кто конкретно из святых воинов Феодоров был небесным заступником Федора Ярославича, остается загадкой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арциховский А. В.* Заготовка иконы из Новгорода // *Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура: сб. ст. в честь В. Н. Лазарева.* М.: Наука, 1973. С. 199–202.
2. *Астайкин А. А.* Историко-географический подход в определении места Липицкой битвы 1216 г., спорные вопросы эволюции «Повести» о сражении и понимание отдельных «темных» мест в ней // *Вестник Университета Дмитрия Пожарского.* 2017. №2 (6). С. 137–188.
3. *Астайкин А. А.* Липицкая битва 1216 г. // *Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2017)* // URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2174776
4. *Астайкин А. А.* Несколько заметок по поводу Липицкой битвы 20–21 апреля 1216 г. // *Верхнее Подонье: Археология. История.* Вып. 3. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2008. С. 235–249.
5. *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М.: АН СССР, 1963. 378 с.
6. *Гладкая М. С.* Рельефы Дмитриевского собора во Владимире: опыт комплексного исследования. М.: Индрик, 2009. 288 с.
7. *Гордиенко Э. А.* Сфрагистика Ростиславичей как отражение отношений Новгорода, Смоленска и Суздаля в середине XII – начале XIII века // *Новгородский исторический сборник: сб. науч. тр.* Вып. 13 (23). Великий Новгород, 2013. С. 48–81.
8. *Горский А. А.* Понятие «суздальский» в политическом лексиконе XII–XIV веков // *На пороге тысячелетия. Суздаль в истории и культуре России: к 990-летию первого упоминания Суздаля в древнерусских летописях.* Владимир: Гос. Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 2015. С. 27–32.
9. *Горский А. А.* Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. 392 с.
10. *Жуков И. А.* Об атрибуции вислых печатей великих князей Владимирских (первая половина XIII в.) // *Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики.* 2017. Вып. 4. С. 64–83.
11. *Инков А. А.* Летописец Переяславля Суздальского: предисловие, перевод, комментарий. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2016. 296 с.

12. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. Л.: Наука, 1992. 92 с.
13. *Кучкин В. А.* Александр Невский – государственный деятель и полководец Средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 18–33.
14. *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропониимики. М.: Индрик, 2006. 904 с.
15. *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Христос Пантократор на печати Мстиславовой грамоты // Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Траектории традиции: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI – начала XIII века. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 152–166.
16. *Манукян А. М.* Западные и южные врата собора Рождества Богородицы в Суздале как памятник русской художественной культуры конца XII – первой трети XIII века: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.04. М., 2013. 22 с.
17. *Марковић М.* О иконографии светих ратника у источно-хришћанској уметности и о представама ових светителя у Дечанима // Зидно сликарство манастира Дечана: грађа и студије. Београд: Српска академија наука и уметности, 1995. С. 567–630.
18. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. – Л.: АН СССР, 1950. 642 с.
19. Новгородская четвертая летопись // Полное собрание русских летописей: Т.4. IV. V. Новгородская и Псковская летописи. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1848. С. 1–165.
20. *Овчинников А. Н.* Суздальские Златые врата = Golden Gates in Suzdal. М.: Искусство, 1978. [164] с.
21. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Л.: АН СССР, 1926–1928. 379 с.
22. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. 648 с.
23. Полное собрание русских летописей. Т. 7. Летопись по воскресенскому списку. СПб.: Типография Э. Праца, 1856. 362 с.
24. *Рыбаков Б. А.* Прикладное искусство Владимиро-Суздальской Руси // История русского искусства. Т. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. С. 505–522.
25. Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI–XIV веков. М.: Наука, 1964. 48 с.
26. *Саенкова Е. М., Герасименко Н. В.* Иконы святых воинов. Образы небесных защитников в византийском, балканском и древнерусском искусстве. М.: Интербук-бизнес, 2008. 272 с.
27. *Самонава М.* Святы воін Феадор са Спаскай царквы Полацка: праблемы атрыбуцыі // Беларускі гістарычны часопіс. 2024. № 2. С. 14–19.
28. *Седова М. В.* Актовые печати князя Всеволода III // Дмитриевский собор во Владимире: к 800-летию создания. М.: Модус граффити, 1997. С. 274–279.
29. *Соколов Р. А.* Политический капитал ребенка-правителя: княжичи на новгородском столе. Пример Александра Невского // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2022. Т. 32, вып. 1. С. 115–118.
30. Список ученых трудов А. А. Спицына // Советская археология. 1948. № 10. С. 12–20.
31. *Фенел Дж.* Кризис средневековой Руси, 1200–1304. М.: Прогресс, 1989. 296 с.
32. *Фроянов И. Я.* О княжеской власти в Новгороде IX – первой половины XIII в. // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 93–99.
33. Шлем великого князя Ярослава Всеволодовича // Записки Императорского Русского Археологического Общества. Т. 11. Вып. 1–2. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1899. С. 388–390.
34. Шлем. Конец XII – начало XIII в. // Музеи Московского Кремля. Коллекции онлайн // URL: <https://collectiononline.kreml.ru/entity/ОБЪЕКТ/32871?query=%D1%88%D0%BB%D0%B5%D0%BC&index=4>
35. *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1: Печати X – начала XIII в. М.: Наука, 1970. 328 с.
36. *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 2: Новгородские печати XIII–XV вв. М.: Наука, 1970. 367 с.
37. *Янин В. Л.* Еще раз об атрибуции шлема Ярослава Всеволодовича // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М.: Наука, 1972. С. 235–244.
38. *Янин В. Л.* О датировке врат суздальского собора // Советская археология. 1959. № 3. С. 91–98.
39. *Янин В. Л.* О первоначальной принадлежности так называемого шлема Ярослава Всеволодовича // Советская археология. 1958. № 3. С. 54–60.
40. *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 3: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М.: Интрада, 1998. 496 с.

Поступила в редакцию 14.09.2023

Самонова Мария Николаевна, кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры довузовской подготовки и профориентации
Институт дополнительного образования
Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»
246028, Беларусь, г. Гомель, ул. Советская, 104
E-mail: iceland1978@gmail.com, samonova@gsu.by

M.N. Samonova

**ON PATRONAL SAINTS OF YAROSLAV VSEVOLODOVICH AND HIS SON FYODOR:
ANALYSIS OF IMAGES OF SAINT FEODOR (THEODORE)**

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-3-553-567

Among the warrior saints throughout the Christian world, two Theodores are known – Tiron and Stratelates. However, in pre-Mongol Rus', in most cases the mention or image of St Theodore did not specify his identity, so it can be difficult to determine which of them was meant – Tiron or Stratelates. This also applies to princely patronal saints, i.e. that St Theodore, in whose honor this or that prince was baptized, in particular Yaroslav Vsevolodovich (1190–1246) and his son Fyodor Yaroslavich (1220? – 1233). In the article, this issue is resolved on the basis of an analysis of the meaning of images of saints and the iconography of St Theodore on the helmet of Yaroslav Vsevolodovich and the official seals attributed to Fyodor Yaroslavich by A. F. Litvina and F. B. Uspenskij. The assumption that the helmet originally belonged to Yaroslav Vsevolodovich is substantiated. It was concluded that the helmet depicts St Theodore Stratelates, which should be regarded as further evidence that it was he who was considered the patronal saint of Yaroslav Vsevolodovich.

Keywords: Old Rus', patronal saints, Yaroslav Vsevolodovich, Fyodor Yaroslavich, St Theodore Tiron, St Theodore Stratelates, helmet of Yaroslav Vsevolodovich.

REFERENCES

1. Arcihovskij A. V. Zagotovka ikony iz Novgoroda [Workpiece of an icon from Novgorod] // Vizantiya. Yuzhnye slavyane i Drevnyaya Rus'. Zapadnaya Evropa. Iskustvo i kul'tura: sb. st. v chest' V. N. Lazareva [Byzantium. Southern Slavs and Old Rus'. Western Europe. Art and culture: collection of articles in honor of V. N. Lazarev]. Moscow, Science Publ., 1973, pp. 199–202. (In Russian).
2. Astajkin A. A. Istoriko-geograficheskij podhod v opredelenii mesta Lipickoj bitvy 1216 g., spornye voprosy evolyucii «Povesti» o srazhenii i ponimanie otdel'nyh «temnyh» mest v nej [Historical and geographical approach to determining the location of the Battle of Lipitsa in 1216, controversial issues of the evolution of the “Tale” about the battle and understanding of individual “dark” places in it] // Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo [Bulletin of Dmitry Pozharsky University], 2017. no. 2 (6), pp. 137–188. (In Russian).
3. Astajkin A. A. Lipickaya bitva 1216 g. [Battle of Lipitsa 1216] // Bol'shaya russijskaya enciklopediya. Elektronnaya versiya (2017) [Great Russian Encyclopedia. Electronic version (2017)] // URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2174776. (In Russian).
4. Astajkin A. A. Neskol'ko zametok po povodu Lipickoj bitvy 20–21 aprelya 1216 g. [A few notes on the Battle of Lipitsa on April 20–21, 1216] // Verhnee Podon'e: Arheologiya. Istoriya [Upper Don Region: Archeology. History]. Issue 3. Tula, State Museum-Reserve "Kulikovo Field" Publ., 2008, pp. 235–249. (In Russian).
5. Berezhkov N. G. Hronologiya russkogo letopisaniya [Chronology of Russian chronicles]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1963, 378 p. (In Russian).
6. Gladkaya M. S. Rel'efy Dmitrievskogo sobora vo Vladimire: opyt kompleksnogo issledovaniya [Reliefs of St. Demetrius Cathedral in Vladimir: the experience of a comprehensive study]. Moscow, Indrik Publ., 2009, 288 p. (In Russian).
7. Gordienko E. A. Sfragistika Rostislavichej kak otrazhenie otnoshenij Novgoroda, Smolenska i Suzdalya v seredine XII – nachale XIII veka [Sphragistics of the Rostislavichs as a reflection of the relations of Novgorod, Smolensk and Suzdal in the middle of the 12th – early 13th centuries] // Novgorodskij istoricheskij sbornik: sb. nauch. tr. [Novgorod historical collection: collection of scientific works]. Issue 13 (23). Veliky Novgorod, 2013, pp. 48–81. (In Russian).
8. Gorskij A. A. Ponyatie «suzdal'skij» v politicheskom leksikone XII–XIV vekov [The concept of “Suzdal” in the political vocabulary of the 12th–14th centuries] // Na poroge tysyacheletiya. Suzdal' v istorii i kul'ture Rossii: k 990-letiyu pervogo upominaniya Suzdalya v drevnerusskikh letopisyah [On the threshold of the millennium. Suzdal in the history and culture of Russia: to the 990th anniversary of the first mention of Suzdal in ancient Russian chronicles]. Vladimir: State Vladimir-Suzdal Museum-Reserve, 2015, pp. 27–32. (In Russian).
9. Gorskij A. A. Rus': Ot slavyanskogo Rasseleniya do Moskovskogo carstva [Rus': From the Slavic Settlement to the Muscovite Kingdom]. Moscow, Languages of Slavic culture Publ., 2004, 392 p. (In Russian).
10. Zhukov I. A. Ob atribucii vislyh pechatej velikih knyazej Vladimirskih (pervaya polovina XIII v.) [On the attribution of hanging seals of the Grand Dukes of Vladimir (first half of the 13th century)] // Rus', Litva, Orda v pamyatnikah numizmatiki i sfragistiki [Rus', Lithuania, Horde in the monuments of numismatics and sphragistics], 2017, issue 4, pp. 64–83. (In Russian).
11. Inkov A. A. Letopiseц Pereyaslavlya Suzdal'skogo: predislovie, perevod, kommentarij [Chronicle of Pereyaslav of Suzdal: preface, translation, commentary]. Moscow, Moscow Humanitarian University Press, 2016, 296 p. (In Russian).

12. Kirpichnikov A. N. Drevnerusskoe oruzhie. Vyp. 3. Dospekh, kompleks boevykh sredstv IX–XIII vv. [Old Russian weapons. Issue. 3. Armor, a complex of military equipment of the 9th–13th centuries]. Leningrad, Science Publ., 92 p. (In Russian).
13. Kuchkin V. A. Aleksandr Nevskij – gosudarstvennyj deyatel' i polkovodec Srednevekovoj Rusi [Alexander Nevsky – statesman and commander of Medieval Rus'] // Otechestvennaya istoriya [National History], 1996, no. 5, pp. 18–33. (In Russian).
14. Litvina A. F., Uspenskij F. B. Vybor imeni u russkikh knyazej v X–XVI vv. Dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponimiki [The choice of names among Russian princes in the 10th–16th centuries. Dynastic history through the prism of anthroponymy]. Moscow, Indrik Publ., 2006, 904 p. (In Russian).
15. Litvina A. F., Uspenskij F. B. Hristos Pantokrator na pečati Mstislavovoj gramoty [Christ Pantocrator on the seal of Mstislav's charter] // Litvina A. F., Uspenskij F. B. Traektorii tradicii: Glavy iz istorii dinastii i cerkvi na Rusi konca XI – nachala XIII veka [Trajectories of tradition: Chapters from the history of the dynasty and the church in Rus' at the end of the 11th – beginning of the 13th century]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2010, pp. 152–166. (In Russian).
16. Manukyan A. M. Zapadnye i yuzhnye vrata sobora Rozhdestva Bogorodicy v Suzdale kak pamyatnik russkoj hudozhestvennoj kul'tury konca XII – pervoj treti XIII veka: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya: 17.00.04 [Western and southern gates of the Cathedral of the Nativity of the Virgin Mary in Suzdal as a monument of Russian artistic culture of the late XII – first third of the XIII century: abstract of the dissertation of a candidate of Art History: 17.00.04]. Moscow, 2013, 22 p. (In Russian).
17. Markovich M. O ikonografiji svetih ratnika u istochno-hrishchanskoj umetnosti i o predstavama ovih svetitelya u Dečanima [On the iconography of holy warriors in Eastern Christian art and on the representations of these saints in Dečani] // Zidno slikarstvo manastira Dečana: gradzha i studije [Wall painting of the Dečana monastery: materials and studies]. Belgrade, Serbian Academy of Sciences and Arts Press, 1995, pp. 567–630. (In Serbian).
18. Novgorodskaya pervaya letopis' staršego i mladšego izvodov [Novgorod first chronicle of the older and younger editions]. Moscow – Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1950, 642 p. (In Russian).
19. Novgorodskaya četvertaya letopis' [Novgorod fourth chronicle] // Polnoe sobranie russkikh letopisej: T.4. IV. V. Novgorodskaya i Pskovskaya letopisi [The complete collection of Russian chronicles: Vol. 4. IV. V. Novgorod and Pskov Chronicles]. St. Petersburg, Printing house of Eduard Prats, 1848, pp. 1–165. (In Russian).
20. Ovchinnikov A. N. Suzdal'skie Zlatye vrata = Golden Gates in Suzdal. Moscow, Art Publ., 1978. [164] p. (In Russian and English).
21. Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. 1. Lavrent'evskaya letopis' [The complete collection of Russian Chronicles. Vol. 1. The Laurentian Chronicle]. Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1926–1928, 379 p. (In Russian).
22. Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. 2. Ipat'evskaya letopis' [The complete collection of Russian Chronicles. Vol. 2. The Ipatiev Chronicle]. Moscow, Languages of Russian culture Publ., 1998, 648 p. (In Russian).
23. Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. 7. Letopis' po voskresenskomu spisku [The complete collection of Russian chronicles. Vol. 7. Chronicle of the Voskresensky List]. St. Petersburg, Printing house of E. Pratz, 1856, 362 p. (In Russian).
24. Rybakov B. A. Prikladnoe iskusstvo Vladimiro-Suzdal'skoj Rusi [Applied art of Vladimir-Suzdal Rus'] // Istoriya russkogo iskusstva. T.1 [History of Russian art. Vol.1]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1953, pp. 505–522. (In Russian).
25. Rybakov B. A. Russkie datirovannye nadpisi XI–XIV vekov [Russian dated inscriptions of the 11th–14th centuries]. Moscow, Science Publ., 1964, 48 p. (In Russian).
26. Saenkova E. M., Gerasimenko N. V. Ikony svyatykh voinov. Obrazy nebesnykh zashchitnikov v vizantijskom, balkanskom i drevnerusskom iskusstve [Icons of holy warriors. Images of heavenly protectors in Byzantine, Balkan and Old Russian art]. Moscow, Interbook-business Publ., 2008, 272 p. (In Russian).
27. Samonava, M. Svyaty vojn Feodor sa Spaskaj carkvy Polacka: prablemy atrybucyi [The warrior saint Theodore from the Saviour church of Polotsk: problems of attribution] // Belaruskі gіstarychny chasopis [Belarusian historical journal], 2024, no 2. pp. 14–19. (In Belarusian).
28. Sedova M. V. Aktovyje pečati knyazya Vsevoloda III [Act seals of Prince Vsevolod III] // Dmitrievskij sobor vo Vladimire: k 800-letiju sozdaniya [Demetrius Cathedral in Vladimir: to the 800th anniversary of its creation]. Moscow, Modus graffiti Publ., 1997, pp. 274–279. (In Russian).
29. Sokolov R. A. Politicheskij kapital rebenka-pravitelya: knyazhichi na novgorodskom stole. Primer Aleksandra Nevskogo [Political capital of a child ruler: princes on the Novgorod throne. The example of Alexander Nevsky] // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya istoriya i filologiya [Bulletin of the Udmurt University. Series history and philology], 2022, vol. 32, issue 1, pp. 115–118. (In Russian).
30. Spisok uchenyh trudov A. A. Spicyna [List of scientific works of A. A. Spitsyn] // Sovetskaya arheologiya [Soviet Archeology], 1948, no. 10. pp. 12–20. (In Russian).
31. Fennel Dzh. Krizis srednevekovoj Rusi, 1200–1304 [The crisis of medieval Rus', 1200–1304]. Moscow, Progress Publ., 1989, 296 p. (In Russian).
32. Froyanov I. Ya. O knyazheskoj vlasti v Novgorode IX pervoj poloviny XIII v. [On the princely power in Novgorod in the IX – first half of the XIII century]. Knyaz' Aleksandr Nevskij i ego epoha. Issledovaniya i materialy [Prince

- Alexander Nevsky and his era. Research and materials]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 1995, pp. 93–99. (In Russian).
33. Shlem velikogo knyazya Yaroslava Vsevolodovicha [Helmet of Grand Duke Yaroslav Vsevolodovich] // Zapiski Imperatorskogo Russkogo Arheologicheskogo Obshchestva [Notes of the Imperial Russian Archaeological Society], vol. 11, issue. 1–2. St. Petersburg, Printing house of I. N. Skorokhodov, 1899, pp. 388–390. (In Russian).
  34. Shlem. Konec XII – nachalo XIII v. [Helmet. End of the 12th – beginning of the 13th century] // Muzei Moskovskogo Kremlya. Kollekcii onlajn [Museums of the Moscow Kremlin. Collections online] // URL: <https://collectiononline.kreml.ru/entity/OBJECT/32871?query=%D1%88%D0%BB%D0%B5%D0%BC&index=4>. (In Russian).
  35. Yanin V. L. Aktovye pečati Drevnej Rusi X–XV vv. T. 1: Pečati X – nachala XIII v. [Act seals of Old Rus' X–XV centuries. Vol. 1: Seals of the 10th – early 13th centuries]. Moscow, Science Publ., 1970, 328 p. (In Russian).
  36. Yanin V. L. Aktovye pečati Drevnej Rusi X–XV vv. T. 2: Novgorodskie pečati XIII–XV vv. [Act seals of Old Rus' X–XV centuries. Vol. 2: Novgorod seals of the 13th–15th centuries]. Moscow, Science Publ., 1970, 367 p. (In Russian).
  37. Yanin V. L. Eshche raz ob atribucii shlema Yaroslava Vsevolodovicha [Once again about the attribution of Yaroslav Vsevolodovich's helmet] // Drevnerusskoe iskusstvo. Hudozhestvennaya kul'tura domongol'skoj Rusi [Old Russian art. Artistic culture of pre-Mongol Rus']. Moscow, Science Publ., 1972, pp. 235–244. (In Russian).
  38. Yanin V. L. O datirovke vrat suzdal'skogo sobora [On the dating of the gates of the Suzdal Cathedral] // Sovetskaya arheologiya [Soviet Archeology], 1959, no. 3, pp. 91–98. (In Russian).
  39. Yanin V. L. O pervonachal'noj prinadlezhnosti tak nazyvaemogo shlema Yaroslava Vsevolodovicha [On the original ownership of the so-called helmet of Yaroslav Vsevolodovich] // Sovetskaya arheologiya [Soviet Archeology], 1958, no. 3, pp. 54–60. (In Russian).
  40. Yanin V. L., Gajdukov P. G. Aktovye pečati Drevnej Rusi X–XV vv. T. 3: Pečati, zaregistrovannye v 1970–1996 gg. [Act seals of Old Rus' X–XV centuries. Vol. 3: Seals registered 1970–1996]. Moscow, Intrada Publ., 1998, 496 p. (In Russian).

Received 14.09.2023

Samonova M.N., Candidate of History, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Pre-University Training and Career Guidance
Institute of Further Education
Educational institution “Gomel State University named after Francisk Skorina”
Sovetskaya st., 104, Gomel, Belarus, 246028
E-mail: iceland1978@gmail.com, samonova@gsu.by